

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В БОЛГАРСКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ: ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

Классификация половых ролей и обусловленных полом различий затрагивает самые фундаментальные уровни культурного самосознания общества.

Ю. Хабермас

При отсутствии критической рефлексии на социалистическое прошлое в современном болгарском обществе слишком легко, почти автоматически воспроизводятся представления, уже давно устоявшиеся в общественном сознании. Одним из них является убеждение, что женский вопрос был решен еще во времена социализма. Поскольку это был вопрос равноправия женщин, то они его уже «получили», даже «более того» (это была одна из бед, сотворенных социализмом), и при наличии серьезных вопросов, стоящих сегодня на повестке дня, постановка женского вопроса по меньшей мере неуместна. Если судить по данным болгарских средств массовой информации, станет очевидным общий настрой на отсутствие необходимости проблематизирования отношений между полами и укрепление отношения к женщинам, стоящего в рамках «заботы государства о них», «выделения пособий» и т. д. Подобные тенденции не обещают ничего, кроме воспроизведения иерархий и неравноположенности полов, а для некоторых и ностальгии по социалистическому прошлому.

В любой культуре, как известно, пол является социальным конструктом. В условиях государственного социализма его конструирование основывается на провозглашенной в качестве единственно научной марксистско-ленинской идеологии и представляет собой часть утопического проекта социалистической модернизации, в которой роли полов подчинены большой цели — строительству нового общества и нового человека.

Социальное конструирование полов в социалистической Болгарии — точка пересечения взаимодействия партийно-государственной власти (с ее моделью нового общества) и самого общества, которое в 40-е гг. прошлого века находилось в состоянии модернизации (оно дифференцировано, с существующим разделением частной и общественной сфер и т. д.). Эти две стороны социального взаимодействия представлены в двух основных группах источников, на которые я опираюсь в настоящей статье: партийно-государственные документы (партийные решения, превращаемые в законы и другие нормативные акты и «воплощаемые в дела» — мероприятия), связанный с ними научный дискурс и, с другой стороны, биографические истории мужчин и женщин, представляющие собой взгляд изнутри социалистической реальности и содержащие толкования, комментарии, интерпретации, в которых они делятся своим жизненным опытом и осознанием повседневности. Эти истории дают возможность рассмотреть женский вопрос по двум основным направлениям, которые тесно связаны между собой: первое представляет женщин в качестве объектов политического воздействия и наиболее общего социального конструирования, второе раскрывает их как субъектов, принимающих формирующее воздействие или сопротивляющихся ему, различным образом и в различной степени воспринявших официально навязываемые представления о них самих.

Анализируя это взаимодействие, мы могли бы получить ответы на следующие вопросы: какую идентичность женщин конструирует социалистический проект (в

идеологии и реальности); как реализовались *свобода и равенство полов* в условиях государственного социализма; был ли успешным для партийно-государственной власти опыт вхождения, контроля и подчинения частной жизни людей целям коллективизма. Или, другими словами, увидеть некоторые из гендерных проекций социалистической модернизации общества.

1. Предыстория вопроса

Проблема равноправия и положения женщин вообще в болгарском обществе была одним из элементов его модернизации, начавшейся задолго до социалистической революции. Еще после освобождения Болгарии от османского владычества (1878 г.) стало очевидным, что женское движение не будет ограничиваться рамками появившихся в эпоху болгарского Возрождения девического образования и женской просветительно-благотворительной деятельности¹. Модернизационный толчок в только что освобожденном болгарском обществе был сильным, и одним из его проявлений было осознание женщинами себя как активных публичных субъектов. Возникают женские издания (до 1944 г. выходит в свет более 20 газет и журналов), на страницах которых критикуются законы, дискриминирующие женщин (о наследстве, об адвокатуре, о высшем образовании и т. п.), переводятся материалы, популяризирующие идеи равенства полов. В 1901 г. был учрежден Болгарский женский союз (БЖС). Сразу же после его создания определились различия в воззрениях его активисток на сущность союза и средства достижения цели женского движения — эмансипации женщин. Социалистки, считавшие женский вопрос (по их мнению, он включал в себя взгляды на женский труд и связанные с ним гражданские и политические права) неотделимой частью классовой борьбы, сформировали пролетарское, социал-демократическое крыло, которое впоследствии осуществляло свою деятельность в тесной зависимости от позиции партии узких социалистов. Феминистское крыло (названное социалистками буржуазным) стремилось к уравниванию прав женщин и мужчин в обществе и, в отличие от предыдущих, акцентировавших внимание на коллективистском духе и солидарности, защищало либеральные ценности и стремилось развивать у женщин дух индивидуализма². Различия еще более углубились, когда на III конгрессе БЖС большинство делегатов отказались признать классовый характер организации, после чего социалистки во главе с В. Благоевой демонстративно покинули его.

На страницах социалистической печати и в редактируемом В. Благоевой журнале «Женский труд» в последующие годы ведется яростная борьба с феминистками, которые, по мнению социалисток, не хотели полного освобождения женщины, сглаживали классовые противоречия, боролись за чуждый пролетариату мир, и, следовательно, отношение к ним могло быть только антагонистичным. До 1944 г. выходит и официоз БЖС — журнал, а позднее газета «Женский голос». Он работал для созидания «гражданского и политического равноправия женщины», согласно его главной цели — «умственного и нравственного возвышения женщины и улучшения ее положения в любом отношении»³. Равные права на труд, на образование, политические права, право на свободный выбор профессии были постоянно обсуждаемыми темами и мотивированно защищаемыми требованиями со стороны феминисток. Согласно точным наблюдениям К. Даскаловой, критика феминизма в первой половине XX в. велась с различных точек зрения. В соответствии со взглядами приверженцев традиционализма, а позднее и фашизма, видевших в лице феминисток опасность для данного Богом

¹ Паскалева В. Българката през Възраждането. София, 1984; Чолакова М. Българското женско движение през Възраждането. София, 1995.

² Даскалова К. Феминизъм и равноправие в българския XX век / Под ред. Р. Мухарска. София, 1999. С. 80—97.

³ Божилова-Патева Д. Женското движение в България и Българският женски съюз // Демократически преглед. 5 (1907).

патриархального порядка в обществе и семье, естественное предназначение женщины состояло в материнстве и заботах о доме. Их обвинения феминисток в том, что те хотят разрушить семью, были лишены основания, поскольку болгарские, как и европейские, феминистки в то время возводят в культ материнство и семью, но, несмотря на это, вносили свою лепту в создание негативного образа «равноправок» в обществе. С другой стороны, их критикуют социалистки, которые, принимая декларацию Ф. Энгельса, А. Бебеля и Л. Браун, занимали позицию, согласно которой женский вопрос будет решен социалистической революцией, с чьей победой женщины превратятся в равных мужчинам партнеров, и потому классовая солидарность и революция должны стоять выше женской солидарности и специфических интересов. Нужно отметить и то обстоятельство, что теоретики социализма полностью не отрицали традиционные роли в семье⁴. Необходимо указать, что в годы, предшествовавшие 1944 г., социалистки отказываются от поддержки женских требований и отрицают все другие виды деятельности в защиту женщин во имя пролетарского единства, классовой борьбы и победы социалистической революции.

2. Свобода и равенство

На этой позиции активистки социалистического женского движения остаются и после 9 сентября 1944 г. БЖС был распущен вместе с буржуазными партиями, и в дальнейшем единственной организацией женщин становится учрежденный социалистками в июле 1945 г. Болгарский народный женский союз (БНЖС). На него Коммунистическая партия возлагала задачу *«помощи в политическом просвещении и повышении культурного уровня трудящихся женщин, поскольку с помощью женщин сможет упрочиться историческое дело 9 IX»*⁵.

Следуя примеру Ленина и русских коммунистов, БКП стремится мобилизовать силы всех эксплуатируемых и притесненных для завоевания политической власти. Наряду с пролетариями и самыми неимущими крестьянами партия ищет такого союзника и в лице женщин (*«нужны способные и преданные народной республике женские кадры во всех областях государственного, общественно-политического и культурного строительства»*)⁶, а БНЖС отводится роль «организатора и воспитателя», проводника задач партии в среде болгарских женщин. *«Социалистический переворот будет невозможен, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия»*, — был убежден Ленин в 1918 г.⁷ Г. Димитров напишет в своем приветствии Первому Конгрессу БНСЖ слова, которые затем будут произносить как заклинание: *«Женщины — огромная сила»*. В среде БНЖС не было места инакомыслию. Как замечал Димитров, союз должен *«зорко охранять и постоянно укреплять свое патриотическое единство и беспощадно бичевать все опыты раскола в своей среде»*⁸. Во время кампаний по проведению референдума за провозглашение республики и выборов в Великое народное собрание вождь призывал включить в работу женщин: *«Они по своей природе агитаторы и пропагандисты <...> даже самые слабые <...> в своей семье, у своих соседей, в родном краю, на предприятиях <...> везде пусть будут агитаторами в соответствии со своими силами и возможностями <...> наш народ имеет сотни тысяч женщин-агитаторов с материнской, сестринской и патриотической любовью, и наше общенародное дело столь вернее победит»*⁹.

⁴ Лили Браун, например, чья книга «Женский вопрос» была переведена на болгарский в 1903 г., видела будущее женщины наиболее удачно выраженным в лозунге «Работа и ребенок». Подробнее об этом см.: Даскалова К. Указ. соч. С. 94.

⁵ Димитров Г. За жената-работничка. София, 1972. С. 76.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин за жената и семейството. София, 1978. С. 111.

⁸ Димитров Г. Указ. соч. С. 67.

⁹ Там же.

Первые шаги, которые новая государственная власть предпринимает в отношении женщин, соотносятся с моделью Советской России. Важным элементом пропагандируемого образа первой страны победившей революции было *освобождение и равенство трудящихся женщин*. Они были осуществлены посредством изменения закона о разводе (облегчение процедуры подачи развода) и уравнивания прав детей, родившихся в браке и вне его. В обращениях к конгрессам, конференциям и собраниям рабочих женщин в первые годы после революции Ленин заклеил домашний труд (*дико производительная, мелочная и нервирующая до крайности, оупляющая, убийственная работа*), домашнее хозяйство и частную собственность как причину рабского положения женщины: «Женщина была раздавлена своим хозяйством, и от такого положения ее мог спасти только социализм. Лишь когда будут уничтожены мелкие хозяйства и все перейдут к общему обрабатыванию земли, только тогда мы будем иметь полное освобождение и раскрепощение женщины»¹⁰. И еще: «Истинное освобождение женщины, истинный коммунизм начнутся только тогда <...> когда начнется массовая борьба владеющего государственной властью пролетариата против этого мелкого домашнего хозяйства или, вернее, его массовое преобразование в крупное социалистическое хозяйство»¹¹.

Идеологи социалистической революции предвидели освобождение женщин путем смены формы собственности, в результате чего домашнее хозяйство будет лишено своих экономических функций, женщины будут заняты вместо подавляющего их домашнего общественно полезным трудом, где создадутся товарищеские отношения между двумя полами.

В 1944 г. революционный энтузиазм в Советской России уже давно минул, сталинский режим установил максимальную мобилизацию общества и контроль над ним. Политика освобождения отношений полов от вмешательства государства была забыта, а в 30-е гг. были приняты консервативные законодательные акты, регулировавшие семейные отношения¹².

В Болгарии после 9 сентября 1944 г. в социалистическом проекте нового общественного строя отводилось важное место замене буржуазной правовой системы социалистической, так как считалось, что нормы буржуазного права, собранные, главным образом, в Code civil, не годятся для обслуживания новых социалистических отношений, «они неприложимы к новой действительности, которая создает новые отношения вместе с самим новым правом»¹³. Образцом, откуда заимствовались принципы и тексты для новых законов, было советское право, которое использовалось с убежденностью в том, что «внепартийной надклассовой правовой науки не

¹⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин за жената и семейството. С. 174.

¹¹ Там же. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс связывал положение женщины с формой собственности: «Освобождение женщины имеет в качестве первой предпосылки возвращение всего женского пола в общественное производство, что в свою очередь предполагает, чтобы отдельная семья перестала быть хозяйственной единицей общества <...> частное домашнее производство превратится в общественное производство» (Там же.) Забота о детях и их воспитании станет общественной работой, общество будет заботиться одинаково обо всех детях, рожденных в браке и вне его. В. И. Ленин также объявлял: «Общественные столовые, ясли, детские сады на деле освободят женщину, на деле уменьшат и ликвидируют ее неравенство с мужчиной в соответствии с ее ролью в общественном производстве и в общественной жизни» (Там же. С. 177).

¹² Goldman W. Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge; New York; Melbourne, 1993. См. также работу Н. Пушкаревой, Е. Узеновой «Статус на жената и етакратичен джендерен ред (Джендер-аспект на антропологията на всекидневието в съветска и постсъветска Русия)» в книге «Социализъм — реалност и илюзии» (готовится к изданию в Софии).

¹³ Тасев Хр. Българско наследствено право. София, 1956. С. 19.

существует» («партийность в правовой науке при социализме означает восстановление жизненной правды в нашей действительности») ¹⁴.

Далее мы проследим конструирование отношений между полами в социалистическом законодательстве, касающемся семейных отношений. Оно претерпевает многократные изменения во времени, которые отражают формирующуюся волю законодателя в достижении определенных целей — *общественных результатов, которые оно преследует* ¹⁵.

16 октября 1944 г. был обнародован Декрет об уравнивании прав лиц обоих полов, единственный пункт которого гласил: «Лица обоих полов пользуются равными правами во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни». В правовой науке возник спор о том, относится ли декларированное равноправие и к частной жизни, но предполагалось, что оно действительно и для личной жизни, следовательно, и для семейных отношений.

12 мая 1945 г. вошел в силу Декрет о браке, который совершил первую большую реформу в действовавшем до того времени болгарском семейном праве. Согласно этому закону обязательный гражданский брак становится единственной валидной формой брака. Была введена более демократичная система предпосылок для брака: снижен брачный возраст, уменьшено значение родства и сватовства как преграды для брака. Демократизирована система оснований для развода: наряду с сохранением некоторых абсолютных оснований впервые предполагается развод по взаимному согласию, вводится общее основание для глубокого расстройтва брака, при этом не берется во внимание вина за наступление этого состояния. Впервые установлено равноправие законнорожденных и внебрачных детей.

В том же году другой закон (Декрет об узаконивании фактических брачных отношений) легализует фактические браки лиц, которые из-за политических преследований до 9 сентября или вследствие войны не могли заключить законный брак ¹⁶.

Конституция 1947 г. заявляет, что женщина равноправна с мужчиной во всех областях жизни, включая и частную (ст. 72). Кроме того, там записано, что «это равноправие осуществляется путем обеспечения женщине наравне с мужчиной права на труд, за равный труд — равной зарплаты, права на отдых, права на общественное страхование, пенсию и образование. Женщина-мать пользуется особой защитой в отношении труда». И еще: «Государство проявляет особую заботу о матери и ребенке; брак и семья находятся под защитой государства» (ст. 76).

Согласно принятой Конституции, ведущим принципом в регулировании социальных отношений, включая и семейные, было *прямое участие государства*. Государство становилось гарантом осуществления социальной справедливости в пользу широких трудовых масс, оно «покровительствовало» браку и семье.

Основная перестройка семейного права была завершена принятым в сентябре 1949 г. Законом о лицах и семье (ЗЛС), в который были инкорпорированы принятые до того времени законы. Он имел почти двадцатилетний срок действия, а изменения в нем отражали намерение законодателя действовать в том или ином направлении. Так, например, в 1952 г. через вновь принятый Гражданско-процессуальный кодекс была проведена отмена развода по взаимному согласию; было запрещено и разрешение развода в связи с подачей иска, когда глубокое расстройство брака основывалось исключительно на вине истца, а другой супруг настаивал на сохранении брака — нормы, преследующие, очевидно, цель воспрепятствовать разводу и таким образом сохранить семью и, без

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ *Ненова Л.* Семейно право на Република България. София, 1994. С. 44.

¹⁶ Подобный закон был принят в Советском Союзе в 1944 г. В соответствии с ним лица, живущие в фактическом супружеском сожительстве, должны были заключить законный брак — требование, не существовавшее в период с 1926 по 1944 г. (Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 34).

сомнения, представляющие собой отступление от более демократичных норм Декрета о браке 1945 г. В 1953 г. (в Законе об изменении ЗЛС) были повторно смягчены после 1945 г. запреты на брак для родственников; институт сватовства был забыт; отменены «абсолютные основания» для развода (реликт буржуазного права), но принятое годом раньше неразрешение развода несмотря на вину истца при несогласии ответчика было отменено — в настоящее время такой развод допускается в случае, «если это предполагают важные общественные соображения»¹⁷.

Таким образом, осуществлялась модернизирующая (модернизаторская) роль народно-демократического государства: оно изменяло правовую систему. Наряду с общими демократическими правами женщинам было дано равенство, которое означало их уравнивание в правах с мужчинами; женщины получали права на публичную сферу (на труд, отдых, медицинскую помощь) как и мужчины, но одновременно они становились объектом заботы государства как матери. В последующие десятилетия женщины получили «свободу» развиваться в рамках между данным им равноправием быть как мужчины (в труде) и заботой государства о них как матерях. В рамках этих двух взаимно противоречащих принципов была заключена идеология и политика признания женщин в социалистической Болгарии, выраженная лозунгом «Женщина — мать, работница и общественница».

Реальное освобождение женщин (согласно мнению классиков марксизма-ленинизма и в соответствии с «общественными потребностями») может быть достигнуто само собой после их включения в общественное производство¹⁸. «Освобождение» представлялось как «выход» женщин из дома и замкнутого пространства частной жизни. Создавался низко оцениваемый образ женщин-домработниц и негативный общественный настрой к ним, не включившимся в общественно полезный труд. В общественной шкале ценностей домашний труд сохранял низкую значимость¹⁹. В социологических исследованиях вычислялся бюджет времени и с беспокойством отмечалось, что время, уделяемое домашнему хозяйству, занимает большой объем. Согласно этнографу Р. Пешевой, это тревожное явление базируется на известном примитивизме и нежелании женщин освободиться²⁰.

Политика, ориентированная на полную трудовую занятость женщин, представляемая как реализация равенства между ними и мужчинами и отвечающая нуждам индустриализованного коллективизированного «народного хозяйства», достигла успеха: женщины были максимально вовлечены в формальную экономику — факт, который сам по себе, однако, не означал ликвидации патриархальных отношений или отсутствия иерархии в отношениях между полами²¹.

¹⁷ Ненова Л. Указ. соч. С. 60.

¹⁸ О новом этосе в трудовом коллективе, который повлечет за собой культурный рост женщин, говорил Г. Димитров на Пленуме БНЖС: «Мало ли у нас еще таких матерей, которые в нашу славную эпоху трудового героизма не дают своим дочерям идти в трудовые бригады?.. Почему не дают? Потому что они внушили себе, что это неморально, что их дочерей, их девочек в бригадах могут морально развратить, притом, что уже факт, что коллективный труд молодежи в бригадирском движении, совместное движение по такому пути, как наш, пути великого строительства, повышает мораль и юношей, и девушек, делает ее здоровой, народной и прогрессивной моралью <...> создает новые, здоровые, разумные отношения между двумя полами» (Димитров Г. Указ. соч. С. 97).

¹⁹ О навязываемом в официальном дискурсе отвержении ценности домашнего/частного в первые десятилетия после 9 сентября см.: Luleva A. Gender Images in the Bulgarian Village in the 20th Century: between Tradition and Modernity // Ethnologia Balcanica. 2001. Vol. 5. P. 157—161.

²⁰ Пешева Р. Семейството като възпитателна среда. София, 1975. С. 52.

²¹ Социологические исследования того периода показывают распределение трудовой занятости женщин и мужчин по отраслям, из чего видно, что женщинам была доступна более низкооплачиваемая работа, что, со своей стороны, также создает предпосылки для зависимости. «Феминизация бедности», характерная для Болгарии в период после 1989 г., основывается на

В публичном дискурсе навязывался пропагандистский образ (идеал) сильной женщины²² — труженицы, многостаночницы, женщины-товарища. Показательным было частое употребление мужского рода, когда речь шла о женщине, что подчеркивало приобретенную ею новую сущность: она — общественник, соратник, участник в борьбе²³. Г. Димитров советовал: *«Необходимо установить здоровое, культурное отношение к женщине как к женщине-человеку, женщине-товарищу, женщине-матери»*²⁴.

Так, с одной стороны, женщины маскулинизируются (они публично признаны, поскольку во всем как мужчина) в формате социального и символического порядка, в котором доминируют мужчины и их ценности, а с другой — в качестве *основной и самой важной роли* им вменяется материнство. Партия и государство берут на себя *заботу* о женщинах, выполняющих *эту самую важную роль человека*. Поскольку *Болгария нуждается в быстром и большом численном приросте народа, в большом количестве детей, национальной задачей должно стать следующее: в близком будущем наш народ должен исчисляться самое меньшее десятью миллионами человек*. Вот почему *надо возвести в культ добрую, преданную болгарскую мать, мать, которая еще с первым молоком, данным ребенку, передаст ему любовь к родине, преданность своему народу, верность социализму и веру в его торжество*²⁵.

Повышение рождаемости, так необходимое социалистической экономике, проходит сквозь заботу партии и государства о семье. Партийная позиция гласит, что наряду с *новой, здоровой, прогрессивной, дружеской «отечественнофронтовой» семьей*, которую необходимо утверждать, есть и другие два типа семьи — буржуазная и патриархальная (оставшиеся от предыдущего строя). Первая должна быть разрушена, а вторая — «превозмогнута», пережита²⁶. Для создания нового социалистического типа семьи, которой отводится важная роль в строительстве социалистического общества, предпринимаются административные и законодательные меры, сопровождаемые нестихающей пропагандой повышения рождаемости и долга семьи перед обществом.

Партийная пропаганда оставляет беспрерывно упоминаемые в первые десятилетия достижения социалистической революции — освобождение и равенство женщин и акцентирует внимание на долге женщин перед обществом в качестве матерей (*«равенство означает и ответственность»*).

3. Долг перед обществом, или преданность партии и государству

Партийно-государственная «забота» о семье и женщине-матери состояла в непосредную очередь и в прямом вмешательстве в регулирование семейных отношений — процесс, который после 50-х гг. усилился и стал выражаться во все новых и новых «мерах» укрепления семьи и «покровительстве» женщинам-матерям: социалистическое

феминизации целых отраслей в период социализма. См. также: *Brunnbauer U. From Equality without Democracy to Democracy without Equality? // Тя на Балканите / Е. Тачева, И. Недин (съст.). Благоевград, 2001. Р. 463.*

²² Сельские женщины в связи с характером домашнего хозяйства играли важную роль в экономике. Вопреки традиционному разделению на мужскую и женскую работу, они давно уже освоили сферу мужского труда (идеальный образ трудолюбивой сельской женщины — сильная и здоровая — отражает именно этот факт). «Слабый пол» — это городское представление о женщине, причем относящееся к женщине из элиты, так называемой буржуазной среды. Из этой среды происходят и феминистки, отказывавшиеся идентифицироваться с данным идеалом. Социалистическая пропаганда, граничащая со стигматизированием, была направлена против тех городских женщин, которые служили вредным «эталонном» для остальных.

²³ В использование единственного числа явно вкладывался эссенциалистский смысл.

²⁴ *Димитров Г. Указ. соч. С. 107.*

²⁵ Там же.

²⁶ *Кубадински П. За социалистическото семейство. София, 1986. С. 22.*

общество заинтересовано в здоровых, морально устойчивых семьях, которые обеспечат развитие новых поколений²⁷.

Для современного государства ведущим принципом является разделение сфер на частную и публичную как сфер соответственно морального, интимного и публичного законов. Гегель подчеркивал важность этого разграничения, при котором семья принадлежит области частного; она является пространством, где реализуется право современного человека быть особенным и субъективным. Согласно этому основному принципу современного государства, правовая система стоит «в начале» и «в конце» семьи, она ее окружает, но не регулирует ее внутреннее функционирование или отношения, которые относятся к сфере морали²⁸.

В Болгарии с первой половины XX в. сферы частного и публичного функционируют отдельно, причем автономность частного основывается на частной собственности²⁹. После 1944 г. вследствие отчуждения крупной недвижимой городской собственности (что на практике оставляет семье лишь жилище в качестве ее собственности), коллективизации земли и индустриализации, превращающих огромную часть населения в мигрантов, у семьи была отнята экономическая основа ее автономности (согласно марксистской теории — гарантия ликвидации эксплуатации в ней и освобождения женщин). В течение всего периода государственного социализма основным было стремление власти проникнуть в частную сферу, подчинить ее и контролировать, а одним из путей достижения этого было лишение семьи ее частного суверенитета за счет ее «обобществления». Особенно явным было это стремление после 50-х гг. Идеолог семейной политики партии П. Кубадински был откровенен: *«Мы рассматриваем семью не как некий тесный круг, в который общество не может и не имеет права заглянуть. Точно наоборот <...> у нас есть основание хотеть от каждой семьи, чтобы она успешно и с чувством ответственности выполняла свою обязанность по отношению к нашему социалистическому обществу»*³⁰.

Большую тревогу выражали партийные и государственные руководители по поводу нехватки человеческих ресурсов. Это могло привести к уменьшению темпов развития, страна могла обезлюдеть, что неминуемо отразилось бы в нехватке рабочих рук и в ослаблении государства. По их мнению, *эта тревога овладевает людьми, которые с чувством долга и ответственности должны ответить партийному зову «Больше детей в каждой болгарской семье, больше молодых сил родине»*.

Вообще, публичная жизнь наполняется моральными категориями: от людей требуются чувство долга, ответственность, преданность, любовь к партии, обществу и государству; повседневная жизнь идеологизируется, а «забота», «защита» и т. д. со стороны государства по отношению к семье все больше походят на дисциплинирующий контроль.

Один из механизмов воздействия в желаемом направлении — административные меры и правовая система. В 1968 г. был принят первый Семейный кодекс (СК), с помощью которого в целом регулировались семейные отношения в духе «защиты» законной семьи. Это на практике означало ограничение прав личности, положенных в основу принятых в 40-е гг. Декрета о браке и ЗЛС. Так, например, в отношении места проживания супругов в 1945 г. Декрет о браке отменял существовавшую до 9 сентября норму, согласно которой «жена следует за супругом» и принималось, что «смена места проживания одного из супругов не создает обязанности для другого следовать за ним» (ст. 14, п. 3). В 1949 г. в ЗЛС говорилось: «Каждый из супругов имеет полную свободу при выборе места жительства» (ст. 32). В Семейном кодексе 1968 г. данная редакция текста

²⁷ Там же. С. 115.

²⁸ См.: Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics. Polity Press, 1992. P. 305.

²⁹ Habermas J. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. Frankfurt am Main, 1990. S. 110.

³⁰ Кубадински П. Указ. соч. С. 22.

была заменена следующей: «Супруги проживают совместно, только в случае важных причин вынуждены жить отдельно» (ст. 16); она сохраняется и в СК 1985 г. Если отмена обязанности жены следовать за мужем в 1945 г. и 1949 г. воспринималась как выражение равноправия двух полов и торжественное отрицание «супружеской власти» (существовавшей в предыдущем законодательстве), то в тексте СК 1968 г. (который остается неизменным и сегодня) формулировка о полной свободе каждого из супругов при выборе места жительства считалась излишней, поскольку старая обязанность жены следовать за мужем была уже сильно стерта³¹. С введением СК 1968 г. впервые устанавливается принципиально новый порядок имущественных отношений: вводится принцип общности имущества супругов. До того времени действовал принцип раздельности (и в обычном праве, согласно которому «каждый из супругов сохранял свое имущество, управление и пользование им»), сохраненный и в НЗБР 1945 г., и в ЗЛС 1949 г., в которых был дополнен общностью (каждый супруг имеет право на часть общего имущества, получаемого в случае развода), — порядок, толкуемый как выражение равноправия и экономической независимости женщин. В 1968 г. эта гибкая формулировка была заменена *общностью имущества супругов*, которая, как считалось, соответствовала нравственной супружеской общности и идее коллективизма в семейных отношениях: она будет содействовать укреплению семьи и привнесет в нее справедливость и стабильность. Правовая практика опровергла данные ожидания законодателей, но, вопреки противоположному мнению специалистов, принцип супружеской имущественной общности был сохранен и в новом СК, принятом в 1985 г.³²

Конституция 1971 г. подтвердила уже провозглашенные начала упорядочивания семейных отношений; согласно ст. 38: 1) брак и семья находятся под защитой государства; 2) законным является только гражданский брак; 3) супруги имеют равные права и обязанности в браке и семье; родители имеют право и должны заботиться о воспитании своих детей и об их коммунистическом воспитании; 4) дети, рожденные вне брака, имеют равные права с законнорожденными детьми. Женщина-мать пользуется особым покровительством и заботой государства (ст. 37). Было проведено изменение в формулировке равенства между полами. Вместо старой формулы «женщина имеет равные права с мужчиной» теперь говорилось: «Женщина и мужчина в НРБ имеют равные права» (ст. 36)³³.

Вопреки заботе государства о сохранении целостности семьи, а также партийным решениям о стимулировании рождаемости (1968 г.) и о повышении роли женщины в создании развитого социалистического общества (1973 г.) желаемого эффекта не удалось достигнуть. В начале 80-х гг. отчитались о максимальной трудовой занятости женщин и самом низком уровне рождаемости за весь период после 9 сентября. В качестве основной причины этого отрицательного явления указывалась система ценностей, входившая в острое противоречие с общественными потребностями и интересами строительства РСО. По мнению партийных лидеров, семьи с одним ребенком были лишены чувства ответственности перед обществом, принявшим на себя историческую миссию построить зрелый социализм, который нуждается в гораздо больших людских ресурсах. Против негативной установки должны были работать профсоюзы и комсомол. На Пленуме Национального совета Отечественного фронта была поставлена задача: создать такое общественное отношение, такой настрой, который бы изменил существующее отношение; *сформировать такие личные убеждения относительно количества детей, которые бы отвечали общественным потребностям оптимального демографического развития*³⁴.

Последнее десятилетие государственного социализма проходит под лозунгом «формирования новой социалистической личности», которая должна была активнее

³¹ Ненова Л. Указ. соч. С. 152.

³² Там же. С. 160—161.

³³ Български конституции и проекти за конституции. София, 1990. С. 63.

³⁴ Кубадински П. Указ. соч. С. 103.

участвовать в строительстве РСО. Активное участие в борьбе за социализм и коммунизм бралось в качестве критерия преданности личности делу социализма.

Преданность делу коммунизма³⁵ была возведена в ведущий нравственный принцип, с которым были связаны и остальные — социалистический коллективизм и пролетарская солидарность, которые должны были стать убеждением, превратиться в руководство к действию личности³⁶. Внушение чувства долга, преданности, ответственности перед обществом (понимай — государством) ясно показывает намерение сузить границы частного, которое должно было раствориться в общественных интересах. Воспитание у людей долга и ответственности, как говорили теоретики, «обеспечит добровольное подчинение личных интересов общественным»³⁷.

Рассуждая о причинах, по которым женщины не желают обзаводиться вторым и третьим ребенком, П. Кубадински выражает партийную позицию: «...это не только личное дело <...> Некоторые скажут, что это вопрос убеждения, но убеждения нужно формировать и изменять в направлении общественных потребностей и национальных интересов»³⁸. Личность должна проникнуться общественными интересами — это было бы триумфом коммунистического идеала. Лишь тогда, как писал Энгельс, отношения между полами станут исключительно частным делом, в которое обществу не стоит вмешиваться³⁹. Это, конечно же, относится к далекому коммунистическому будущему. В социалистическом обществе, хотя и «развитом», необходимо воздействовать на семьи, чтобы они отвечали общественным потребностям. Для этой цели предпринимались «комплексные меры», включая и «Указ о поощрении рождаемости». Они предполагали однократные и ежемесячные выплаты на детей, привилегии многодетным семьям (для заселения в государственные квартиры, при поступлении в детские заведения и пр.), выделение займов на квартиру молодым семьям, которые прощались наполовину при рождении второго ребенка и полностью — при рождении третьего. Идеолог семейной политики партии П. Кубадински даже рекомендовал на местах продвигать тех сотрудников, которые являются многодетными родителями: так они могли бы служить примером для масс. Официальная женская организация — Движение болгарских женщин — тоже включилась в претворение в жизнь партийных решений. Ее участницы входят в состав медицинских комиссий, разрешающих аборты (аборт не разрешался замужним женщинам, не имеющим двух детей, или в случае отсутствия медицинских показаний), и осуществляют общественный контроль: рассматривают заявления женщин, убеждают их во вреде аборта. Эта позиция не удивительна. С самого начала государственная женская организация превратилась в придаток Коммунистической партии и идентифицировалась с проведением партийной линии среди женщин, а публичные выступления ее руководительниц можно определить лишь как затверженные повторения решений очередного партийного пленума или конгресса. Естественно, что и их понимание роли женщины в социалистическом обществе было «правильным»: «Наряду с ролью активной

³⁵ Как учили учебники по марксистско-ленинской этике, издаваемые многотысячными тиражами, это вера в идеалы и убежденность в них; преданность их носителям — КП, рабочему классу, социалистическому государству и международному коммунистическому движению; инициативность и активность в борьбе за осуществление этих идеалов; ненависть к врагам и война не на жизнь, а на смерть с ними до их полного уничтожения (Марксистско-ленинская этика. За системата на партийната просвета. София, 1982. С. 266).

³⁶ Высший принцип коммунистической нравственности БКП заимствует из Программы КПСС (1961 г.), где он определен так: «Преданность делу коммунизма, любовь к социалистическому государству» (Там же. С. 283).

³⁷ Согласно марксистско-ленинской этике, интернализация коллективных нравственных норм, их принятие как внутренней потребности и их исполнение являются ядром нравственной свободы личности в социалистическом обществе.

³⁸ Кубадински П. Указ. соч. С. 107.

³⁹ Марксистско-ленинская этика. С. 266.

*производительной силы женщина выполняет и неотъемлемую, жизненно важную и необходимую обществу обязанность — быть матерью*⁴⁰.

Настойчивость, с которой женщинам предписывалась роль матерей (с помощью риторики *заботы о матери и ребенке*) и, более того, эта роль вменялась в качестве *долга, обязанности* женщины по отношению к обществу (*материнство — наиважнейшая человеческая роль женщины*), выдает, с одной стороны, откровенное стремление к контролю над женской сексуальностью, над самыми интимными пространствами частного, а с другой — патернализм государства, изолирующий женщин в рамках predetermined им от природы роли.

От внимания государственников не укрылось еще одно «вредное явление», отклонение от коллективистского идеала — «мода на старых дев и холостяков». Аргументы для их заклеивания (которое было не только моральным, а и санкционированным — посредством так называемого *холостяцкого налога*, возрастающего прогрессивно после 25-летнего возраста у женщин и мужчин, а иногда взимающегося и с бездетных семей!) находились как в «здоровых» народных традициях (*в прошлом народ правильно их клеймил*), так и во вредном идеологическом влиянии Запада (*молодые женщины подражают чужим модным теориям и не выполняют свое человеческое предназначение*). Перевоспитание этих женщин, большинство из которых имели высшее образование, являлось, согласно партийным лидерам, подходящим полем для деятельности (агитации) официальной женской организации. Факт показательный сам по себе для иллюстрации перевернутых смыслов в реальности государственного социализма.

В 1985 г. были проведены и очередные изменения в семейном законодательстве — принят новый Семейный кодекс. Перед этим он был предложен для «всенародного обсуждения». Были отмечены рекордное число собраний, большая активность трудящихся. Это не помешало сделать данный СК более консервативным в сравнении с предыдущим, а в ряде текстов аннулировать столь яростно пропагандировавшуюся демократичность в семейных отношениях, завоевание социалистической революции. В пространном введении кодекса, не характерном для формы подобного рода документа, отмечаются коренные изменения в браке и семейных отношениях, наступившие после социалистической революции: брак стал равноправным союзом, а семья — основной ячейкой общества. Вновь был подтвержден государственно-социалистический принцип отношений между обществом и семьей: *общество защищает и осуществляет всестороннюю заботу о семье; семья, со своей стороны, выполняет функции воспроизводства и воспитания и таким образом исполняет предъявляемые к ней требования повышения прироста нации и создания социалистической личности*. В конце заявляется, что *СК имеет целью содействовать обогащению вековых добродетелей и наилучших народных традиций, сохранивших болгарский род в течение его многовековой истории, для последующего восходящего развития и укрепления болгарской семьи*.

Имея патриотическую мотивацию, законодатель прилагал большие усилия для укрепления семьи. И поскольку самой серьезной угрозой для нее был развод (в начале 80-х около 1/4 всех семей распались), усилия были направлены на максимальное усложнение разделения супругов.

Согласно СК 1968 г. не требовалось, чтобы суд определял причину (виновного) расстройтва брака, если только сами супруги не пожелают этого, то есть предоставление развода не связывалось с поведением вины. В новом СК принимается весьма широкое значение вины в браке и устанавливается обязанность суда высказываться по этому поводу, что обосновывается как воспитательное и превентивное воздействие правовой

⁴⁰ Трополова Й. Значението на Единадесетия конгрес на БКП за по-нататъшното издигане на ролята на жената в изграждането на РСО // Жената — труд и бит. София, 1977. С. 7.

нормы. Того же эффекта стремились достичь возможностью дать отказ на развод, если виновный супруг его просит, а невиновный не согласен.

Понимание брака как общественного отношения, доминирующего над частным, находит свое выражение и в участии общественности в бракоразводном процессе. Как говорится в разъяснительных материалах к новому СК, распространяемых организациями Отечественного фронта, поскольку *общество заинтересовано в существовании прочных и жизнеспособных брачных союзов, то оно не может относиться безразлично к легкомысленному и безответственному поведению в семье и ее разрушению*⁴¹. Бдительная общественная совесть в лице общественных организаций по месту жительства и работы супругов могла включиться в защиту брака, участвуя в примирительном судебном заседании. Если, однако, усилия суда по примирению и специально затянутой и усложненной процедуре не давали результатов и дело доходило до развода в результате виновного поведения одного или двух супругов, ст. 108 предполагала последнюю санкцию: *суд отправлял копию решения в трудовой коллектив по месту работы или в общественную организацию по месту проживания супругов для общественного воздействия*. Идеологи подобной практики руководствовались тем, что *виновное поведение не должно уходить от внимания общества*.

Публичное порицание виновника развода имело явные воспитательные цели. Оно должно было иметь дисциплинирующий эффект (в понимании Фуко) как для разведенных, так и для общности (трудового коллектива или соседей по кварталу), в которой *должно было сформироваться общественное отношение к разводу как отрицательному явлению, которое наносит вред обществу и недостойно социалистической морали*. С другой стороны, таким образом общественная организация и трудовой коллектив тоже выполняли дисциплинирующую роль суда (очень характерная черта — стремление к тотальному контролю сверху над личным при государственном социализме). В том же направлении действуют и другие «квазиправовые институты», дисциплинирующие общество: «товарищеский суд», «партийный суд»⁴²; в первые годы после 9 сентября — и собрания ОФ, которые выносили свои «приговоры» и, конечно же, сам «народный суд».

В рамках такого понимания заботы о браке общественность осуждала и внебрачное сожитие. Как правило, одной из задач партийной организации или формирования ОФ было воздействие на нарушителей общественной морали. Крайней мерой было санкционирование деяния как преступления против брака и семьи в Уголовном кодексе, где в ст. 180 предполагалась уголовная ответственность за оставление семьи и жизнь с другим лицом. И еще один, последний штрих к мерам по повышению рождаемости: общественные организации совместно с народными Советами должны были создать картотеку всех семей без детей и с одним ребенком, где женщина находится в фертильном возрасте, чтобы предпринять *более эффективную индивидуальную работу с членами этих семей*. Одновременно с этим были *взяты на учет* многодетные семьи для оказания им помощи и поднятия их общественного престижа. Кубадински советовал общественным организациям популяризировать *материальные и моральные стимулы* многодетным семьям, а их вручение должно было происходить с соответствующими ритуалами. Нам неизвестно, были ли эти ритуалы придуманы, еще менее вероятно, что стимулы дали ожидаемый результат, но одно является бесспорным: государственно-социалистическая политика по отношению к семье имеет черты дисциплинарной власти, владеющей механизмами поощрения и санкционирования.

⁴¹ За по-нататъшно укрепване и развитие на българското семейство: Беседа и проект за нов Семейен кодекс във връзка с народното му обсъждане / Национален съвет на Отечественния фронт. София, 1984. С. 12.

⁴² Об идеях М. Фуко о дисциплинирующей власти в отношении к государственному социализму см.: Даскалов Р. Нещата наоколо: Наблюдения и размишления за промените. София, 1998. С. 7—30.

Удалось ли власти достичь желаемого стандарта нормальности — создать нового социалистического человека, интернализировавшего наивысшую среди коммунистических нравственных ценностей — преданность делу социализма, партии и государству? Выполнили ли женщины ожидания партии после данного им равноправия — с их трудолюбием и дисциплиной стали ли еще более действенным фактором осуществления партийной программы?⁴³ Ответ не однозначен. Он содержится в многочисленных биографических историях мужчин и женщин, чья сознательная и активная жизнь прошла в течение десяти социалистических пятилеток.

4. «Сегодня самое важное — это борьба за мир...»

Биографические рассказы двух женщин сходного возраста, но разной социальной принадлежности и с различным жизненным опытом показывают, что социалистическая власть и идеология входят в частную сферу и конструируют жизненный мир человека. При различной способности к рефлексии в их рассказах заметно, что выход за рамки всеобъемлющей идеологии и официального символического порядка был невозможен. Они являются горьким подтверждением мнения В. Гавела о том, что идеологические лозунги могут служить поддержанию порядка власти, даже если никто не верит в них⁴⁴.

Д. В. родилась в 1922 г. и всегда жила в родном селе. О своем детстве рассказывала, как о веренице страданий (бедность, потеря отца, повторное замужество матери и ее приход в новую многочисленную семью); затем следует романтическое девичество и брак без любви (мать «отдала ее туда»). После 9 сентября ее супруг стал милиционером в городе, тогда как сама она осталась в селе и работала в колхозе. С этой работой связаны самые веселые ее воспоминания («какие посиделки мы организовывали, как собирались...»). С особенной гордостью женщины праздновали 8 Марта. Всегда готовили программу, читали стихи о женщинах (их им давала активистка из сельской библиотеки). Ушедшая в воспоминания, Д. В. начала цитировать одно из этих стихотворений («О, матери рода человеческого...»), но в следующий миг, немного смущенно, но гордо призналась, что она сама тоже «придумала» одно стихотворение о торжестве 8 Марта. И рассказала нам его целиком: «*Мир да бъде на земята, / мир да бъде във всеки дом. / Да браним в България да няма никога прелом. / Нека нашата родина с векове напред цъфти, / и да следваме примера на Ленин. / Българияй, бъди си опора ти! / Като звезда, да светиш вечно / по заводи и училища, / и нека всички ний сърдечно / да се борим за траен мир*» (Пусть будет мир на земле, / да будет мир в каждом доме. / Будем бороться, чтобы в Болгарии никогда не было перелома. / Пусть наша родина цветет века вперед, / и будем следовать примеру Ленина. / Болгария, будь опорой! / Как звезда, свети вечно / по заводам и школам, / и пусть мы все сердечно / будем бороться за прочный мир).

Не менее интересно было и объяснение Д. В., почему она выбрала эту тему: «*Я себе сказала, чтобы придумать... что-нибудь о животных в лесу... что... что... и решила, что сейчас самое важное — бороться за мир, дай-ка я придумаю что-нибудь о мире*»⁴⁵.

Для этой деревенской женщины социалистический патриотизм и пролетарский интернационализм — незнакомые слова, но она их воспела в своем стихотворении, убежденная, что сегодня борьба за мир «наиболее важна». Стихотворение полностью вписывается в патетику праздника социалистической женщины — с присутствием обязательных образов и призывов («пример Ленина», «как звезда, свети», «прочный мир» и соответственно врага, который угрожает). Однако более важно то, что это не стихотворение, написанное каким-либо официальным поэтом для случая, что все эти

⁴³ За издигане ролята на жената в изграждането на развито социалистическо общество: Решение на Политбюро на ЦК на БКП от 06.03.1973. София, 1973. С. 12.

⁴⁴ Хавел В. Силата на безсилните. София, 1994. С. 26.

⁴⁵ Интервью с Д. В. было проведено А. Лулевой и А. Касабовой в июле 1997 г. в селе Говедарци в обл. Самокова во время сбора полевых материалов в рамках болгарско-австрийского научного проекта «Родство в Болгарии — исторические и антропологические перспективы», руководитель проф. Казер.

клише превратились в неотделимую часть образа мышления этой измученной тяжелой сельской работой женщины, ее представлений о женщинах в день их праздника⁴⁶.

Е. Р. родилась в г. Самокове в 1924 г. в зажиточной семье. Была отличницей в школе, а затем и студенткой-юристом. После 9 сентября она прервала обучение. Вышла замуж за человека, которого уважала и любила всю жизнь. Его семья, однако, владела фабрикой, которая позднее была национализирована. Это обстоятельство превратилось в трудное препятствие в жизни молодой семьи. Е. Р. прекращает обучение, долгие годы остается без работы и не имеет квалификации; ожидание санкций из-за происхождения мужа надолго ее не оставляет (*«Во мне страх перед властью был выше всего»*). В то время как ее супруг — высокообразованный и с широкими интересами — полностью исключил для себя профессиональное развитие и публичную жизнь (первоначально он получает работу только на рытье котлованов в строительстве, позднее становится председателем жилищной кооперации) и ограничил сферу своего общения семьей и друзьями, Е. Р. (*«мне было нечего терять»*) не прекращает бороться и доказывать власти (организации ОФ, городскому комитету партии, военной комиссии), что ее семья *«не имеет вины»*. Она с волнением рассказывала обо всех этих случаях преодоления принятых *«несправедливых»* решений, но ее сопротивление, в сущности, является декларацией восприятия нового социального и символического порядка. В 70-е гг. ей удается окончить институт, готовивший учителей для системы дошкольного образования. Особенно она преуспела в усвоении идеологических дисциплин: для нее эти знания были оружием, которым она защищала себя и свою семью (*«нужно познать врага, чтобы знать, как с ним бороться»*).

Иллюстрацией к этому может служить случай с досье ее сына, который занимает центральное место в ее рассказе о собственной жизни. Когда пришло время сыну отправляться в армию (1974 г.), призрак старой фабрики всплыл вновь (*«Я никогда не говорила детям, пока они были учениками, что эта фабрика напротив принадлежала их деду. Никогда, а если вдруг где-нибудь обмолвятся?!»*). Е. Р. твердо решила стереть это пятно из биографии ее сына. Она дошла до «генерала в Софии» и настояла, чтобы разобрались с тем, почему ее сын не будет служить в армии, как другие. *«И тогда я ему сказала: “Вы, товарищ генерал, подрезаете крылья юноше, отвергаете его, делаете врагом, а он увлечет за собой и других... Или Вы думаете, что я не воспитала его в любви к родине, партии и государству? Я — учительница и воспитываю детей, Вы мне доверили это ответственное дело...”*» Так Е. Р. смогла изменить решение военной комиссии и обеспечить пересмотр досье городским комитетом партии, чтобы там был стерт донос о враге народа (*«Осталось только, что пивная фабрика в городе принадлежала им и была национализирована»*). Ее сын стал пограничником, она поздравляла солдат от имени всех матерей на военной присяге при принесении клятвы на верность родине, но страх, что его происхождение может быть вновь раскрыто, ее не покидал. Ей выслали благодарственное письмо из гарнизона, но все в доме с ужасом вопрошали, что бы это могло значить. И она вновь делает жест лояльности и верности в сторону «правильной» идеологии — отправляет на заставу вышивку с изображением Ленина (*«Мы их делали для детского сада, и я подумала, что это очень подходяще — как бы в благодарность...»*).

Е. Р. испытывает чувство гордости и удовлетворения, что смогла преодолеть капканы власти и отделить идентичность своих детей от их политически неблагонадежного происхождения и таким образом помочь им иметь «нормальные» биографии (ее сын сделал научную карьеру, дочь также закончила университет). У Е. Р. нет сознания жертвы власти, скорее — человека, который находил верный путь, чтобы

⁴⁶ Впрочем, празднование 8 Марта само по себе очень показательно для иллюстрации перевернутых значений символов социализма. Этот день является не поводом для изъяснения требований женщин (проблематизирование их равенства или других проявлений женской солидарности вообще немислимо), а поводом для их «чествования».

справиться с ее натиском. Для этой женщины частная и публичная жизнь одновременно драматично противопоставлены и неизбежно связаны, переплетены.

Эта история ясно показывает, как в ситуации, когда индивид принужден постоянно свидетельствовать о правильном мышлении, верности и преданности идеологии и ее заместителям в лице партийно-государственной власти, а малейшему отклонению от «нормального» приписывается политический смысл (против партии и государства), страх слежки (доноса) и наказания незаметно порождает автоцензуру и публичный конформизм, иногда в сочетании с глубоким внутренним несогласием («раздвоенное я» при социализме, о котором писал Verdery; разделение карьеры и частной жизни, проанализированное Стефановым)⁴⁷.

Об иллюзорности границы между частной жизнью и публичной сферой пишет Ц. Тодоров, вспоминая о 50-х гг. в Софии: «Тоталитарный режим создает иллюзию, что контролирует “только” публичную жизнь, а вы остаетесь хозяином собственного частного бытия. Следовательно, мы могли беспрепятственно — или просто мы так думали — наслаждаться радостями дружбы и любви, разума и духа <...> которые нам позволяли жить с иллюзией свободы. Несомненно, мы были еще очень молоды, чтобы знать, что граница между публичным и частным окончательно не установлена и не является непроходимой и что, веря, что мы ускользнули от тоталитарного контроля в одной части нашей жизни, мы в действительности ему развязывали руки, чтобы он устраивал себе в угоду всю общественную жизнь — сиречь всю жизнь. Обеспечивая свое выживание и относительное благополучие, мы укрепляли сам тоталитарный режим»⁴⁸.

Механизмы сужения границ частного разнообразны. Один из них — разрушение домашнего хозяйства как производственной единицы, включение мужчины и женщины как рабочей силы в народное хозяйство, их превращение в индивидов, зависящих от всеобъемлющей власти государства (вспомним и иллюзорный характер типичной социалистической собственности — панельную квартиру, являющуюся пространственным выражением обобществления частной жизни). Согласно Хабермасу, в отношении, в котором частная жизнь, потеряв свою автономность, становится публичной, сама публичность принимает формы интимности⁴⁹. Гегел называет это смешение сфер «политическим патриархатом». При государственном социализме он приобретает крайние измерения. Я имею в виду не только фигуру «отца» народа, который казался вечным, а скорее воображаемую и реальную возможность государства «заботиться» и наказывать, поощрять/стимулировать и санкционировать, дисциплинировать со своей патерналистической позиции. Для этой цели право было превращено в нормализующий, дисциплинирующий инструмент в гораздо большей степени, чем это возможно при либеральной демократии.

5. Решение женского вопроса по-(государственно)-социалистически

В дискурсивных рамках марксистско-ленинской идеологии женский вопрос считался решенным с победой социалистической революции. Декларирование равноправия полов в конституции и перемены, главным образом в семейном законодательстве, были для власти самым ярким доказательством достигнутого и

⁴⁷ Creed определял поведение людей в наблюдаемом им селе скорее как согласие с системой, нежели как сопротивление ей (*Creed G. Domesticating Revolution: From Socialist Reform to Ambivalent Transition in a Bulgarian Village. Pennsylvania State University Press, 1998*). О наиболее часто используемых стратегиях в овладении повседневностью в социалистическом селе см.: *Ром К. Практики и стратегии за овладяване на всекидневието в едно село на социалистическа България // Социологически проблеми. 1998. № 3/4.*

⁴⁸ *Тодоров Цв. Памет за злото, изкушения на доброто: Анкета върху века. София, 1994. С. 243.*

⁴⁹ *Habermas J. Op. cit. S. 250.*

только при социализме возможного освобождения женщин. Вот почему женский вопрос не мог более существовать как политический вопрос.

И если для пропаганды было характерно выдавать желаемое за действительное, едва ли удивительно, что такой же была и позиция женской организации. Как часть партийно-государственного аппарата, который тотально управлял публичной сферой, Комитет болгарских женщин был пустой формой, лишенной смысла, выполняющей единственно декоративные функции в витрине социализма; он был полностью дискредитирован, будучи частью партийно-государственной меритократии⁵⁰. На уровне идеологии женский вопрос эволюционировал от идей равенства и свободы (в мужском социальном порядке, в котором признавалось право женщин быть как мужчины) к материнскому долгу. Идея материнства концентрировала в себе всю противоречивость государственно-социалистического модернизационного проекта. С одной стороны, с ее помощью ясно демонстрировалось стремление к инструментализации женщин в качестве рожаящих (*молодые силы Родины*) и навязывание этой роли как их долга/обязанности перед обществом (государством), которое «заботится» о них, — отношение зависимости, подчиненности (так называемая публичная патриархальность⁵¹). Материнство не было вопросом свободного выбора. И хотя контроль за женской сексуальностью в Болгарии не достиг масштабов других стран Восточного блока, тотализирующее стремление к обобществлению частного здесь является бесспорным. С другой стороны, материнство аргументировалось ценностями заботы (о доме, детях, престарелых) и саможертвы (жертвоготовности)⁵² — ценностями, более ориентированными на традиционную патриархальность, чем воспринимаемыми как признание различия и свободного выбора.

Политика в отношении женщин в период государственного социализма претерпела изменения. После первоначального порыва к демократизации семейных отношений и сильно пропагандируемого и идеологизированного провозглашения равенства и свободы для женщин, начиная с 50-х гг. законодательство стремится «укреплять» семью (как основную ячейку общества) путем прямого вмешательства государства. Власть видела в семье опору для создания нового общества, нового человека. Образцом новой дружеской семьи была рабочая семья, в которой «дружеские» отношения, как полагали, были гарантированы путем лишения (экономической) власти мужчины — главы семьи (эта фигура была отменена и законодательно) и включения женщин в общественное производство. В действительности законодательство «конструирует» женщин способом, не отменившим их традиционные роли: материнство и забота о детях и семье лежат в основе «привилегий», которыми пользуются женщины («отраженно произведенная дискриминация», по мнению Хабермаса). Более того, в публичном дискурсе они им вменяются в качестве долга и ответственности, в сочетании с общественно полезным трудом, представляемым как выражение достигнутого равенства, а в действительности — результатом экономического и политического принуждения. Кроме участия женщин в

⁵⁰ Ю. Крыстева писала о выдвинутых на командные посты женщинах Востока как «хранительницах статуса-кво, самых пламенных защитницах установленного порядка» (*Крыстева Ю. Времето на жените // Времето на жените. София, 1998. С. 28*).

⁵¹ См. об этом: *Даскалова К. Указ. соч. С. 100*.

⁵² Социологическое исследование начала 70-х гг. показывает, что одна треть женщин, которые бы хотели сделать профессиональную карьеру, признают, что «трудности <...> современности заставляют их приносить жертвы» (*Динкова М. Отпусъкът по майчинство — практика и проблеми // Жената — труд и бит. С. 350*). В женских биографических рассказах, в отличие от мужских, постоянный мотив — необходимость сочетания профессиональных занятий с заботой о детях и семье, что часто предполагало жертвы в развитии личности (выбор компромиссной работы, соотнесение с занятостью мужа и пр.). В некоторых рассказах этот момент не проблематизируется, а принимается как само собой разумеющееся подчинение женщины приоритетам семьи и работы мужа. См. также: *Гаврилова Р. Жени в градовете, деца селата // Тя на Балканите / Е. Тачева, И. Недин (съст.). С. 264—265*.

формальной экономике наравне с мужчинами (но занятость в более низкооплачиваемых отраслях и профессиях) социализм оставляет как их сохраненную территорию домашний труд и — из-за особенностей «народного хозяйства» — груз неформальной экономики, обеспечивающей большую часть продуктов питания в домашнем хозяйстве.

В условиях государственно-социалистического варианта модернизации в Болгарии превращения универсальных идей о равенстве и свободе в реальность не состоялось, как из-за вложенного в них марксистско-ленинского классового смысла, так и по причине политики партийно-государственной власти, которая стремилась к дисциплинированию и подчинению людей и во имя своих интересов была готова негласно отступить от идей (так называемый реальный социализм). А их реализация все откладывалась на светлое будущее.

Вероятно, культурные противоречия государственного социализма сочетают антимодерное (подчинение индивида групповым интересам, тотально иерархичное общество, состоящее из как бы равноправных граждан, всепроникающую меритократичность) и архимодерное⁵³ (быструю индустриализацию, урбанизацию, технический прогресс); одновременно тотальное идеологизирование повседневной жизни и освобождение идеологием от их содержания⁵⁴; провозглашаемые и действительные достижения; «все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей» и все более сильное ощущение недостатка — от недостатка самых элементарных продуктов до отсутствия свободы; стремление к обобществлению индивида и дистанцирование людей от их частной жизни как бегство от «коллективной» публичности.

Таким образом, даже когда некоторые из моих собеседниц верили, что социализм принес женщинам освобождение, это скорее усиливало мое убеждение в том, что не может быть освобожденных в обществе, которое не построено на принципе свободы личности.

⁵³ Об этой двойственности тоталитаризма см.: *Тодоров Цв.* Указ. соч. С. 56.

⁵⁴ Исследуя судьбу марксизма в Болгарии, Д. Денков говорил о «его неукорененности в ситуацию, следовательно и о его иллюзорности даже во время приписываемого ему господства». В течение всего периода социализма была заметна напряженность в отношениях между ортодоксальными марксистами и партийными идеологами, которые все меньше опирались на аргументы марксизма. «Все более тяжелая государственная конструкция, в которой его [марксизма] ведущая роль была и конституционно указана, все больше исчерпывала его проектный потенциал. Из критики идеологии он превратился в научную идеологию, из интернациональной задачи он свелся к региональному решению, из образцового текста он превратился в административный стиль коллективного партийного творчества. В условиях этих неукротимых перформативных внутренних противоречий вполне естественно появились и возможности для радикальной деконструкции» (*Денков Д.* 17 юни на Симеон Сакскобургготски. София, 2002. С. 152).